

Дженне Б
Любви всей моей жизни
Хранительнице моих воспоминаний

«Невозможность — это только мнение».

Пауло Коэльо

Оглавление

	<i>Примечание автора</i>	9
	<i>Пролог</i>	13
ГЛАВА ПЕРВАЯ	Капитан	17
ГЛАВА ВТОРАЯ	Замерзшие слезы	28
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	Ты сильный, ты сможешь	50
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	Совет	70
ГЛАВА ПЯТАЯ	Удержать лидерство	87
ГЛАВА ШЕСТАЯ	Больше больницы	100
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	Целиком в деле, оставив все	123
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	Город-призрак	138
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	Путь домой	150
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	Белая доска	167
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	Резонанс	187

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	Дальний юг	208
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	На волоске от провала	223
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	Снова надень ботинки	244
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	Бесконечная любовь	266
	<i>Этилог</i>	285
	<i>Благодарности</i>	290

Примечание автора

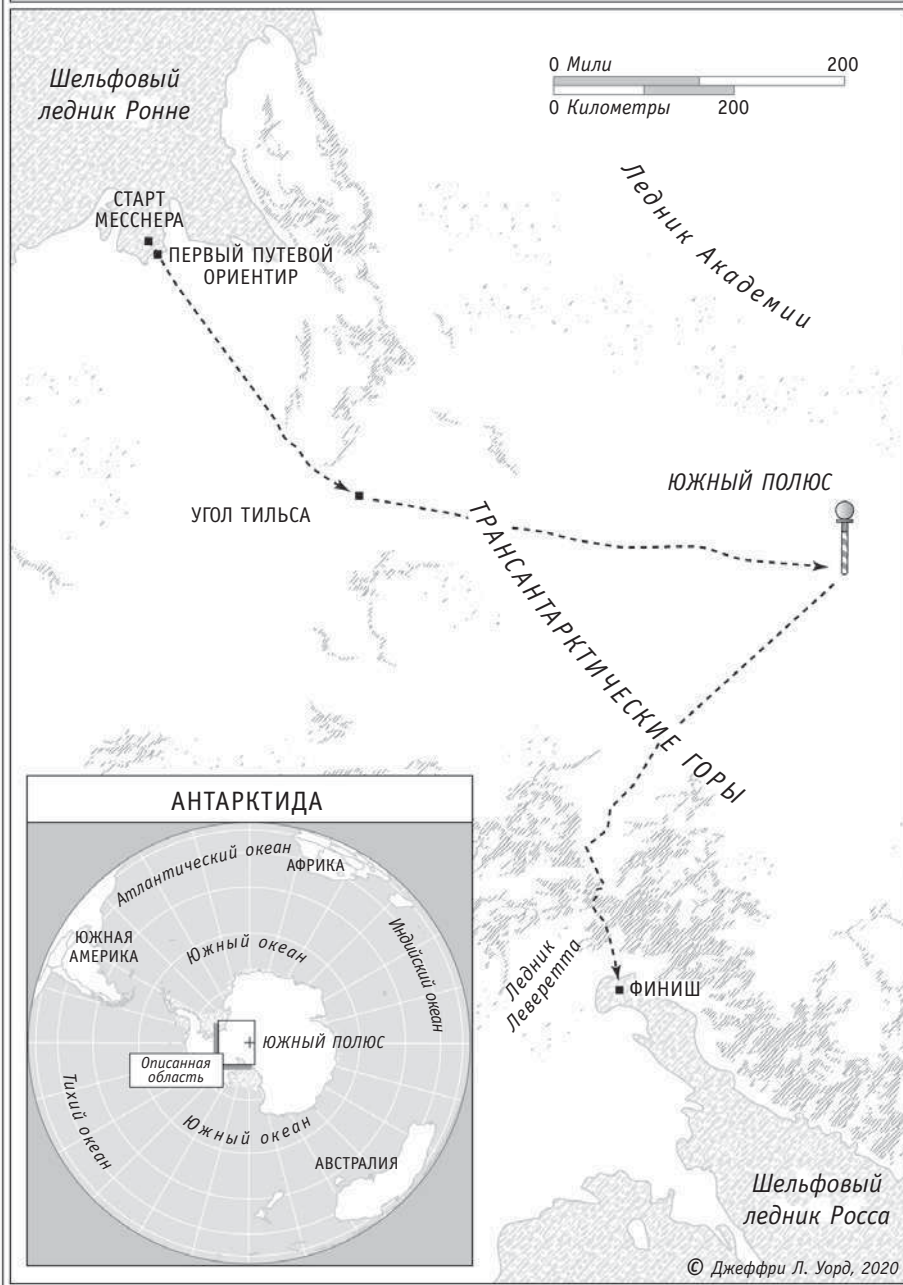
Это произведение является документальным. Во время написания этой книги я обращался к дневникам, которые начал писать в детстве, аудио- и видеозаписям, а также фотографиям, которые сделал в Антарктиде и во время своих прежних экспедиций, беседам с людьми, повлиявшим на мое путешествие и дальнейшую жизнь, личным воспоминаниям и открывшимся передо мной фактам.

Никакие имена не были изменены, и в книге отсутствуют вымышленные персонажи. Кто-то может помнить детали или события немного иначе. Любые неверные толкования или ошибки следует приписывать мне.

Хотя я проживаю в Америке и обычно отмечаю температуру в градусах Фаренгейта, все значения температур в этой книге указываются в градусах Цельсия, потому что именно в таких единицах я узнавал прогнозы погоды из международной метеорологической сводки. Не забывайте, что при сорока градусах ниже нуля значения по Фаренгейту и по Цельсию пересекаются и указывают на одинаковую температуру.

МАРШРУТ «ПЕРВОГО НЕВОЗМОЖНОГО ПЕРЕХОДА»

КОЛИНА О'БРЭЙДИ

Пролог

Я стал думать о своих руках.

Это была моя первая ошибка.

Через сорок восемь дней и более чем тысячу двести двадцать километров, которые я прошел в одиночку по Антарктиде, ежедневная боль в руках, потрескавшихся от холода и сжимающих лыжные палки по двенадцать часов в день, стала напоминать барабанную дробь, определяющую ритм моего существования. И той ночью боль настигла меня. Когда я тянул свои сани сквозь метель, холодную и белую, термометр на моей куртке показывал тридцать градусов ниже нуля, а мощные порывы ветра охлаждали воздух по меньшей мере до пятидесяти, — я стал представлять себе, с каким невероятным удовольствием выну руки из варежек.

Я видел, как безмятежно сижу в своей палатке, массирую и возвращаю к жизни свои воспаленные, заочевенвшие, обмороженные пальцы, поднося их к шипящему пламени печки или прижимая к алюминиевому горшочку, где начинал нагреваться и таять снег, из которого я получал воду для питья и ужина.

Около восьми часов вечера, когда солнце, не заходившее круглые сутки, бледно-желтой точкой проглядывало над головой сквозь плотные тучи и сильный снег, я остановился, чтобы разбить лагерь. Я отцепил упряжь, которая соединяла меня с санями, расстегнул молнию на чехле и вытащил свою палатку.

Затем я на мгновение замер, склонившись на холоде и взглянув вниз, на палатку, которую держал в руках. Мне доводилось ставить палатку во время бури, при солнце и ветре, и я всегда делал это одинаково, полагаясь на память мышц, сформированную многократным повторением: я прикреплял один конец палатки к саням, затем вбивал опоры в лед с другого конца и по периметру. Это был самый безопасный способ.

Однако той ночью из-за усталости и боли в замерзших руках, от которой нещадно хотелось избавиться, я решил, что хватит только креплений, вбитых в лед, — необязательно прикреплять палатку к саням. Так будет куда быстрее. «Все будет хорошо», — сказал я себе.

Я суетился.

Это была моя вторая ошибка. Я вбил крепление, развернул палатку на земле и прошел назад, к ее дальнему концу. Опустился на колени и вогнал шесты палатки на пружине в маленькие металлические втулки, которые расправляли палатку. Вначале следующий шаг тоже казался совершенно обыденным. Я медленно отошел назад и потянул палатку на себя, расправляя ее, пока не стало оттягиваться первое крепление перед тем, как я готовился вбить второе.

И тут это случилось. В самый неподходящий момент, прежде чем я успел прочно вбить второе крепление, из-за саней на меня обрушился сильнейший порыв ветра, словно специально прицелившись с дальних рубежей континента. После того, как я дернул ткань палатки, и перед тем, как внезапно подул ветер, первое крепление, вбитое с другой стороны палатки, выскочило изо льда.

В следующий миг я увидел, как дальний угол палатки вздымается, незакрепленный и свободно болтающийся. От этого зрелища мое тело наполнил такой ужас, словно я сунул палец в розетку, но при этом казалось, будто все происходит в замедленной съемке. Палатку, дюйм за дюймом отрывавшуюся ото льда, все больше надувал снизу встречный ветер.

И поскольку я только что установил шесты палатки, расправив полукруглый каркас рамы, ветер обдувал большую площадь ткани. Поэтому, когда палатка взмыла в воздух, она все больше и больше наполнялась силой ветра, словно воздушный змей или парус. В мгно-

вание ока я бросился вперед и едва успел схватиться за ее край, став единственной силой, которая удерживала палатку на земле.

Перед моим внутренним взором, как воплощение кошмара, пронесли события, которые могли произойти дальше: я выпускаю палатку из рук. Она поднимается, а я отчаянно вскакиваю за ней, но не могу поймать, спотыкаюсь и падаю. Палатка почти мгновенно исчезает в непроглядном белом просторе. Я встаю и бегу за ней в бурю... а потом... а потом... я теряюсь. Палатки нет. Я поворачиваю назад и вижу лишь белую мглу бури. Мне ничто не поможет добраться до саней, и нет никакой надежды, что я переживу эту ночь.

От этого зрелища мое тело наполнил такой ужас, словно я сунул палец в розетку, но при этом казалось, будто все происходит в замедленной съемке.

Жуткое видение не отступало, пока я отчаянно держался за палатку.

У меня не было запасной палатки. Никакие спасатели не смогут добраться сюда в такую бурю, при нулевой видимости и в условиях пересеченной, неровной местности, куда нельзя посадить самолет. Я начну засыпать, затем мысли станут все больше путаться, и, наконец, я просто лягу, решив, что лед — хорошее место для отдыха. Я умру один из-за переохлаждения.

Меня захватил отнюдь не страх смерти, а понимание, что я больше не вернусь домой. Я никогда не вернусь в Портленд, никогда не прогуляюсь вдоль реки Уилламетт, держа за руку свою жену Дженну, никогда не буду смеяться, снова сидя у костра на побережье Орегона с моими родителями и другими близкими, никогда больше не вдохну глубокий, безмятежный дух влажной, занесенной корой лесной тропы в Каскадных горах.

Теперь все зависело только от моих рук. Я схватился ими за край палатки, пока мое сносимое ветром жилище дергалось и моталось